

СОЦИАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ И ПРОБЛЕМА «ДРУГОГО СОЗНАНИЯ»*

Филатов Владимир

Петрович – доктор философских наук, профессор.

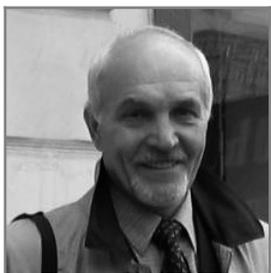
Российский государственный гуманитарный университет.

Российская Федерация,

125993, г. Москва,

Миусская пл., д. 6;

e-mail: toptiptop@list.ru

В статье рассматриваются основные разработки в теории социального понимания. Эта новая междисциплинарная область исследований возникла в конце XX в. как синтез ряда направлений – аналитической эпистемологии, философии сознания, когнитивной психологии, нейронауки. Большинство философов и ученых считают, что ядром социального понимания является способность человека понимать ментальные состояния других людей. Исследования этой способности получили название «теории другого сознания». Эта традиционная проблема эпистемологии ныне перестала быть предметом «кабинетной философии» и превратилась в область, в которой философия стала тесно взаимодействовать с эмпирическими когнитивными науками. В дискуссиях о когнитивных механизмах, обеспечивающих социальное понимание, преобладают два основных подхода: теория-теории и теория симуляции, а также различные варианты их интеграции. В статье рассматривается также альтернативный интерактивный подход в исследованиях социального понимания. Его сторонники считают, что люди в реальных взаимодействиях друг с другом редко применяют теоретизирование или ментальную симуляцию, но используют прямое социальное восприятие и различные формы воплощенной социальной практики.

Ключевые слова: социальное понимание, другое сознание, народная психология, ментализация, теория другого сознания, теория симуляции, социальное восприятие

SOCIAL UNDERSTANDING AND THE PROBLEM OF “OTHER MIND”

Vladimir P. Filatov –

DSc in Philosophy, Professor.

Russian State University
for Humanities.

6 Miusskaya Sq., Moscow,

125993, Russian Federation;

e-mail: toptiptop@list.ru

The article discusses the main developments in the theory of social understanding. This new interdisciplinary area of research emerged at the end of the 20th century as a synthesis of a number of directions – analytical epistemology, philosophy of mind, cognitive psychology, neuroscience. Most philosophers and scientists believe that the core of social understanding is the ability to understand the mental states of other people. Studies of this ability have been called «theory of mind». This traditional problem of epistemology has now ceased to be the subject of “armchair philosophy” and turned into a field in which philosophy began to interact with the empirical cognitive sciences. Discussions about cognitive mechanisms that provide social understanding are dominated by two main approaches: theory-theory and simulation theory, as well as various options for their integration. The article

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 18–011–00954 «Эпистемологические проблемы в современной философии сознания»

also discusses an alternative interactive approach to social understanding research. Its supporters believe that people in real interactions with each other rarely use theorizing or mental simulation, but use direct social perception and various forms of embodied social practice.

Keywords: social cognition, other minds, folk psychology, mentalization, theory of mind, simulation theory, social perception

Введение

Хотя речь в статье пойдет о современных проблемах, начать мне хотелось бы с одного рассуждения А. Шюца, в котором достаточно описана связь социального понимания и проблемы «другого сознания». В докладе «Формирование понятия и теории в социальных науках» (1953) он полемизировал с Э. Нагелем и К. Гемпелем, считавшими, что понимание (*Verstehen*) мотивов чужого социального действия субъективно, неверифицируемо и не должно использоваться в социальных науках. В противовес этому А. Шюц доказывал, опираясь на идеи М. Вебера, что без этого утрачивается смысл социального познания. Вместе с тем он отмечал: «В целом же этой дискуссии недостает четкого различия между *Verstehen* 1) как опытной формы обыденного знания человеческих дел; 2) как эпистемологической проблемы; 3) как специфического метода социальных наук... Что касается эпистемологического вопроса “Как такое понимание, или *Verstehen*, возможно?”, сошлемся на высказывание Канта, сделанное в другом контексте. Я считаю “скандалом в философии” то, что удовлетворительного решения проблемы чужих сознаний и связанной с ним проблемы интересубъективности нашего опыта как природного, так и социального мира до сих пор не найдено и что до самого последнего времени эта проблема вообще ускользала от внимания философов. Но решение этой наиболее сложной проблемы философской интерпретации является первым из того, что обыденным мышлением воспринимается как данность и практически решается без всяких трудностей в любом повседневном действии» [Шюц, 2004, с. 59].

То, что А. Шюц назвал «опытной формой обыденного знания человеческих дел», ныне называют «социальным пониманием» (*social cognition*). Обычные люди в своей повседневной жизни, во взаимодействиях с другими людьми, действительно, без особых трудностей решают проблемы социального понимания. Что касается эпистемологической проблемы «другого сознания», можно согласиться с А. Шюцем в том, что в его время не было убедительного ее решения. Но то, что она вообще не привлекала внимания философов, выглядит преувеличением. Эта проблема возникла уже у Декарта. Для него в существовании собственного сознания невозможно сомневаться, однако опасность солипсизма вынуждала его искать доказательства

того, что и другие люди обладают сознанием. У Декарта намечен «аргумент по аналогии» в понимании другого сознания, которому затем придал классическую формулировку Дж.С. Милль и различные вариации которого разрабатывали многие философы [Филатов, 2017]. В начале XX в. появились новые концепции понимания «другого сознания». Т. Липпс считал, что это происходит посредством «вчувствования», внутренней имитации чужого психического состояния. Американский психолог Э. Титченер перевел этот термин как «эмпатия», что стало широко использоваться в философии и психологии. Стоит отметить, что в это время и русские философы А. Введенский, Н. Лосский, С. Аскольдов и др. обсуждали проблемы «одушевленности» и «другого сознания», а И. Лапшин написал книгу «Проблема “чужого Я” в новейшей философии» (1910), в которой проследил различные попытки решения этой проблемы. Позднее появились теории интерсубъективности М. Шелера и Э. Гуссерля.

Вместе с тем к середине XX в. проблема другого сознания так и осталась запутанной, ибо ни одно из предложенных решений – аргумент по аналогии и его вариации в англо-американской и континентальной философии, теория эмпатии и различные интуитивистские концепции – не могло полно и непротиворечиво объяснить, каким образом достигается знание о другом сознании.

Сдвиг в подходах и методах анализа проблемы другого сознания

Важный перелом в осмыслении проблемы другого сознания начался в те же 1950-е гг. Это было связано с несколькими факторами. Во-первых, в работах Л. Витгенштейна и Г. Райла был предпринят пересмотр глубоко укоренившегося представления о дуализме сознания и тела, заложенного Декартом и другими классиками новоевропейской философии. Их идеи стали толчком для развития современной философии сознания и разработки в ней целого спектра «некартезианских» концепций сознания: различных теорий тождества состояний сознания и процессов мозга, элиминативного материализма, функциональных теорий сознания, теорий дуализма свойств [Нагуманова, 2011; Иванов, 2013]. Хотя эти теории решали прежде всего онтологические вопросы о природе сознания и его месте в физическом мире, они затрагивали и эпистемологические проблемы о возможности знания о сознании «от третьего лица» и «от первого лица». Что касается последнего, то У. Селларс в работе «Эмпиризм и философия сознания» (1956) выдвинул идею, что наше знание о собственных ментальных состояниях извлекается не из прямого «привилегированного доступа» к ним, как считал Декарт, а через понятийные схемы, унаследованные нами

от культуры. Впоследствии за этими схемами закрепилось название «народная психология». Все это привело к отказу от аргумента по аналогии и от других упомянутых выше решений проблемы другого сознания, поскольку они исходили из картезианских посылок.

Другим важным фактором стало интенсивное развитие когнитивных наук – когнитивной психологии, нейронауки, теории искусственного интеллекта, когнитивных направлений в лингвистике, эволюционной психологии. В отношении проблемы другого сознания представители когнитивной науки стали изучать механизмы, ответственные за способность человека понимать, объяснять и предсказывать действия других людей через приписывание им ментальных состояний как причин таких действий. Важно, что исследования этой способности приобрели экспериментальный характер. Поэтому проблема другого сознания перестала быть лишь предметом «кабинетной философии» и превратилась в междисциплинарную область – *social cognition*, – в которой философия стала тесно взаимодействовать с эмпирическими когнитивными науками. Стоит отметить и практическую сторону этих исследований, в частности связанную с исследованиями развития этой способности у детей, дефицита или отсутствия способности к социальному пониманию у людей с различными формами аутизма, психопатии и шизофрении.

Интерес к этой проблематике также стимулировался развитием когнитивной нейронауки. В 1990-х гг. группа итальянских ученых во главе с Дж. Риццоллатти открыла «зеркальные нейроны» [Риццоллатти, Синигалья, 2012]. В ходе экспериментов с исследованием нейронной активности в моторной коре мозга обезьян при захватывании ими съедобных объектов они обнаружили, что даже когда обезьяна сама не брала в руки объект, а видела, как это делал ее сородич, в ее мозге активизировалась определенная группа нейронов, как будто бы она сама выполняла это действие. Эти нейроны получили название «зеркальных», впоследствии они были найдены и у человека, что говорит о том, что уже на нейронном (субличностном) уровне человек способен имитировать действия других людей. Изобретение в эти же годы функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) позволило визуализировать работу человеческого мозга, его реакций на различные стимулы и проблемные ситуации. Нейровизуализация привела к важным открытиям в сфере изучения нейронной основы ментальных процессов, в том числе к возможности более детально отслеживать способность на нейронном уровне «зеркалировать» ментальные состояния других людей.

В результате всех этих изменений стало ясно, что не может быть простого решения проблемы другого сознания: это сложный феномен, изучение которого нуждается во взаимодействии философии и когнитивных наук. Об этом свидетельствуют и публикации по этой проблеме. Например, один из классиков социальной эпистемологии, Э. Голдман,

написал солидную книгу под характерным названием «Simulating Minds. The Philosophy, Psychology, and Neuroscience of Mindreading» [Goldman, 2006]; когнитивные психологи, нейрочеловековеды и философы опубликовали фундаментальную работу «Understanding Other Minds. Perspectives from Developmental Social Neuroscience» [Understanding, 2013]. Возросли и требования к теориям, которые претендуют на объяснение способности людей понимать ментальные состояния друг друга. В целом в когнитивной науке существует консенсус в отношении того, что обычные люди хорошо владеют этим, и что эта способность формируется в раннем возрасте. Но многие другие вопросы остаются спорными. Э. Голдман выделяет такие основные вопросы, решение которых может служить критерием адекватности теории другого сознания [Goldman, 2006, p. 21; Understanding, 2013, p. 448]:

- (1) Какие когнитивные способности, механизмы или процессы играют ключевую роль в понимании состояний сознания других людей?
- (2) Как люди понимают собственные ментальные состояния?
- (3) Каково содержание понятий о ментальных состояниях? Как люди различают убеждения и желания, гнев и отвращение?
- (4) Как человеческий род приобрел эту способность и как она формируется у детей? Каковы филогенетические и онтогенетические стороны социального понимания?
- (5) Какие нейробиологические механизмы лежат в основе понимания другого сознания?
- (6) Как теория другого сознания сочетается с общей архитектурой человеческого познания? Предлагаются особые, уникальные когнитивные способности или же речь идет о типичных средствах познания?

Хорошая теория другого сознания должна ответить на эти вопросы или большинство из них. Очевидно, что это невозможно сделать лишь философскими средствами. Первый, основной вопрос имеет междисциплинарный характер, вопросы (4) и (5) относятся к области когнитивной психологии и нейронауки, в вопросах (2), (3) и (6) философия в лице эпистемологии может претендовать на приоритет. При этом А. Голдман отмечает, речь идет не о нормативной эпистемологии, которая должна показать, как возможно достижение истинного обоснованного знания о другом сознании. Эпистемология понимается здесь в дескриптивном смысле, как описание и прояснение повседневных процессов понимания людьми друг друга.

О понятиях и терминах

В последние несколько десятилетий в литературе, преимущественно англоязычной, появилось целое семейство понятий и терминов, используемых для описания и объяснения различных аспектов соци-

ального понимания и проблемы другого сознания. Некоторые из них введены философами, другие – представителями различных когнитивных наук. Ситуация в этом плане напоминает «зону обмена» П. Галисона, в которой взаимодействующие дисциплины вырабатывают языки контакта, используя как традиционные понятия, так и новый научный жаргон. Без хотя бы краткого пояснения этих понятий и терминов трудно описать и оценить основные концепции в этой области. Дополнительная трудность состоит в их более или менее адекватном и приемлемом переводе на русский язык. Хотя в последние годы у нас вышло немало книг и статей по философии сознания, понятийный аппарат в этой дисциплине еще не вполне сложился. Трудно складно перевести даже, например, название упомянутой выше книги Э. Голдмана.

Понимание «другого сознания» в англоязычной литературе для краткости часто обозначают терминами «mentalizing» или «mindreading», которые используются взаимозаменяемо. Истоки первого термина восходят к теории атрибуции социального психолога Ф. Хайндера, согласно которой людям присуща способность приписывать ментальные состояния другому человеку в качестве причин его поведения. Век с лишним назад А.И. Введенский использовал термин «одушевление», но он устарел, поэтому стоит ввести в наш философский язык понятие ментализации. «Чтение мыслей» выглядит неуклюже и несколько по-орзуэловски, к тому же считаются не только мысли, но и эмоции, ощущения типа боли, убеждения, желания и т.п. Но возможно, что и калька «майндридинг» постепенно войдет в оборот.

Понятие «Theory of Mind» впервые употребили психологи и приматологи Д. Премак и Г. Вудрафф в вызвавшей большие дискуссии статье «Does the chimpanzee have a Theory of Mind?» [Premack, Woodruff, 1978]. На основе опытов с шимпанзе Сарой они пришли к выводу (спорному) о том, что она способна к ментализации. Этот не очень удачный термин перешел в философию сознания и закрепился в значении «теория другого сознания» (ToM). Чуть позднее этот термин соединился с представлением, что в теории другого сознания главную роль играет наша повседневная «народная психология», представляющая собой своего рода теорию. В результате этого появился довольно странный термин «теория-теории» («theory-theory», TT), которым стали обозначать одну из основных концепций понимания другого сознания.

Понятие «народная психология» (folk psychology) вошло в оборот в дискуссиях 1970–1980-х гг. в философии сознания. Этим понятием обозначают несколько вещей: набор когнитивных способностей человека, позволяющий ему объяснять и предсказывать поведение других через их убеждения, желания, надежды и т.п.; неявную теорию, которая лежит в основе этих способностей; психологическую

теорию здравого смысла, основанную на стереотипах (банальностях) о сознании, которые разделяют большинство людей (У. Селларс, Д. Льюис). В эпистемологическом плане важен вопрос о статусе народной психологии: в какой степени наука оправдывает эту психологию здравого смысла? Дело в том, что она, как и другие народные теории (народная физика, народная биология), может оказаться ложной и в принципе может быть заменена научной психологией или нейронаукой. Эту позицию отстаивают сторонники элиминативного материализма, считающие, что народная психология несовместима с материалистической теорией сознания и в перспективе должна быть заменена. Однако этот аргумент имеет силу, если она трактуется как теория. Если же она понимается как способность, как «знание как», то научная теория не может ее непосредственно опровергнуть. Поэтому аргументы элиминативистов серьезны прежде всего для сторонников ТТ, которые интерпретируют ее подобно научной теории. В дискуссиях о статусе народной психологии есть много позиций: она будет частично подтверждена и частично опровергнута развивающейся когнитивной наукой; она настолько укоренена в нашей природе, что ее значимость не подвержена коррекции наукой; она необходима для повседневной социальной жизни независимо от результатов научной психологии или нейробиологии.

Термин «social cognition» появился в 1990-е гг., он обозначает когнитивные способности, лежащие в основе социальных взаимодействий, включающие восприятие и понимание человеком эмоций, ощущений, убеждений и мотивов других людей, а также реакцию на их поведение. Представляется, что прямой перевод как «социальное познание» неадекватен, поскольку у нас социальным познанием обозначают социальные науки. Также «social cognition» – это не метод познания, а предмет исследования, которым являются социальные когнитивные процессы, реализуемые обычными людьми в повседневной жизни. Более точным переводом этого термина, на наш взгляд, было бы «социальное восприятие/понимание», поскольку есть убедительные аргументы в пользу существования не только понимания, но и прямого социального восприятия. Но для простоты лучше говорить о социальном понимании, причем термин «social understanding» также используется в литературе. Большинство теоретиков считают, что ядром социального понимания является способность понимать ментальные состояния других людей. Однако оно включает и иные феномены, например различные классификации людей по полу, возрасту, профессии, этнической принадлежности и т.п., которые люди используют для объяснения и предсказания поведения друг друга. Очевидно, что это другой вид социального понимания, не предполагающий ментализацию.

Основные теории «другого сознания»

Интенсивное обсуждение проблем социального понимания привело в последние десятилетия к появлению целого спектра теорий другого сознания. Основными из них являются «теория-теории» (ТТ) и теория симуляции (ТС). На мой взгляд, их можно рассматривать не как конкретные теории, а как конкурирующие исследовательские программы, поскольку они вводят базисные принципы для объяснения социального понимания, их сторонники разрабатывают все более совершенные теории, используют вспомогательные гипотезы. Есть также гибридные варианты, объединяющие те или иные элементы этих программ.

Первой появилась теория-теории, у которой были как философские, так и научные истоки. Как уже отмечалось, У. Селларс в рамках критики «мифа о данном» выдвинул идею, что наш доступ к собственным ментальным процессам не является прямым, но опосредован концептуальными схемами, унаследованными от нашей культуры. В последующих дискуссиях эти схемы стали называться «народной психологией» – укорененной в здравом смысле сетью общих принципов и «протозаконов», с помощью которых мы различаем ментальные состояния и связываем их с телесными проявлениями и поведением. В результате наши привычные понятия (мысли, желания, ощущения и т.п.) могут оказаться квазитеретическими конструктами. Д. Льюис в рамках доминировавшей в то время функционалистской теории сознания предложил более разработанную версию этого подхода [Lewis, 1972]. Согласно ей, понятия здравого смысла о ментальных состояниях должны рассматриваться как теретические понятия, которые определяются тремя типами психологических законов. Первые относятся к связям между наблюдаемыми входными данными и ментальными состояниями, вторые описывают взаимосвязи между различными типами ментальных состояний, третьи относятся к связям между психическими состояниями и наблюдаемым поведением на выходе. В целом же эта конструкция должна рассматриваться подобно научной теории, хотя содержание этих законов состоит из банальностей, которые всем известны.

Согласно сторонникам ТТ, так понимаемая «народная психология» используется людьми как для описания собственных ментальных состояний, так и для объяснения и предсказания ментальных состояний других людей. В последнем случае важно то, что эти состояния не наблюдаемы. Современная философия науки говорит о том, что знание о ненаблюдаемых объектах (атомах, электронах, генах до определенного времени и т.п.) получается с помощью теорий. Аналогично этому народная психология как теория позволяет нам из наблюдений поведения человека в определенной ситуации делать

гипотетические выводы о его ментальных состояниях. Все это происходит подобно хорошо известной из философии науки модели объяснения и предсказания К. Гемпеля и К. Поппера, с той лишь разницей, что в обычных жизненных ситуациях этот механизм работает быстро и не осознается нами.

От когнитивных исследований важный импульс ТТ получила благодаря упомянутой выше статье Д. Премака и Г. Вудраффа о теории разума шимпанзе. Эти ученые были знакомы с функционалистской трактовкой народной психологии, поскольку отмечали, что способность делать заключения о ментальных состояниях другого следует рассматривать как теорию, ведь такие состояния не наблюдаются непосредственно. Эта статья вызвала волну дискуссий, в ходе которых Д. Деннет, Дж. Беннет и Г. Харман независимо друг от друга высказали мысль о том, что для того, чтобы определить, обладает ли агент способностью к ментализации, необходимо исследовать его способность осознавать то, что другие могут обладать ложными представлениями о реальности. Эти предположения легли в основу теста на понимание ложных убеждений, разработанного австрийскими психологами Х. Виммером и Дж. Пернером. В психологии развития было выработано несколько его вариантов, наиболее известный носит имя «тест Салли-Энни». Суть его такова: ребенку показывается сценка, в которой кукла по имени Салли кладет шарик в корзинку. Затем Салли уходит, и ребенок наблюдает, как в отсутствие Салли другая кукла, Энни, переносит этот шарик в коробку. Ребенка просят показать, где Салли будет искать шарик, когда она вернется. Эксперименты показали, что способность определять ложные убеждения появляется у детей в возрасте 4–6 лет и отсутствует у трехлетних детей, которые говорили, что Салли станет искать шарик в том месте, в которое его положила Энни. Успешное же прохождение такого теста свидетельствует о том, что ребенок обладает репрезентативной концепцией убеждения и понимает, что убеждения людей могут не совпадать с действительностью.

Согласно сторонникам ТТ, развитие навыков ментализации является приобретением все более сложных теоретических знаний. В зависимости от того, как описывается когнитивная архитектура и освоение народной психологии, у ТТ есть две конкурирующие версии: теория «ребенка-ученого» и модулярная теория. Первая развивалась с 1980-х гг. когнитивными психологами А. Гопник, Э. Мелтзоффом, Г. Веллманом, Дж. Пернером и др., которые доказывали, что процесс развития социального понимания у детей схож с динамикой развития научных теорий и сменой парадигм. Так, Гопник и Мелтзофф утверждают, «...что когнитивные процессы, лежащие в основе научного познания, похожи или даже идентичны когнитивным процессам, которые лежат в основе большей части умственного развития» [Gopnik, Meltzoff, 1997, p. 32]. Между сторонниками теории ребенка-ученого

есть некоторые различия, но все они сходятся в том, что процесс развития способности к ментализации обусловлен теоретической структурой. Существует несколько этапов в этом процессе, и наиболее парадигмальным сдвигом является переход от нерепрезентативной концепции психических состояний к репрезентативной концепции, в результате чего дети успешно проходят тест на понимание ложных убеждений.

В модулярной теории развитие способности к ментализации объясняется как процесс созревания определенного врожденного когнитивного механизма или модуля. Этот подход опирается на концепцию Дж. Фодора, выдвинутую им в работе «Модулярность разума» [Fodor, 1983] и ставшей важной вехой в философии сознания и когнитивной психологии. Согласно этой концепции, наши базисные когнитивные механизмы, ответственные за восприятие и распознавание объектов, лиц, понимание языка, представляют собой совокупность многих автономных модулей. Эти модули чувствительны только к определенному типу информации, инкапсулированы, работают быстро, недоступны для интроспекции, обладают особой нейронной архитектурой. Также Фодор отстаивал идею, что теоретические структуры, связанные с этими механизмами, должны трактоваться как неявное (*tacit*) знание. Ученые-когнитивисты С. Барон-Коэн, А. Лесли, У. Фрит и др. развили эти идеи применительно к процессам понимания другого сознания. Соответствующий модуль для этого, как правило, трактуется как состоящий из нескольких подмодулей, или механизмов. Так, С. Барон-Коэн выделяет четыре механизма ментализации, которые работают совместно: детектор интенциональности, детектор обнаружения глаз другого и их направленности, механизм совместного внимания и механизм «теории разума», позволяющий человеку определять широкий спектр ментальных состояний в наблюдаемом поведении других людей. «Он выполняет двойную функцию: представляет набор эпистемических ментальных состояний и превращает все эти знания в полезную теорию» [Baron-Cohen, 1995, p. 51].

Обе версии ТТ имеют сильные и слабые стороны. Теория «ребенка-ученого» лучше объясняет типичную последовательность в развитии теории разума, а также подчеркивает важную роль взаимодействий ребенка и его среды в развитии способности к ментализации. В пользу модулярной теории свидетельствует то, что в большинстве социальных ситуаций мы очень быстро понимаем ментальные состояния других людей. Также модулярный подход помогает объяснить, почему дети-аутисты с нормальным коэффициентом интеллекта, т.е. с неповрежденными когнитивными способностями общего характера, не проходят тест на ложное убеждение. Если ментализация развивается как модуль, независимый от общего интеллекта, такая диссоциация способностей хорошо объясняется.

Несмотря на разногласия и взаимную критику сторонников этих версий, это споры внутри одной семьи. Существенно иную альтернативу в понимании другого сознания выдвинули сторонники теории симуляции (*simulation theory*). В 1980-е гг. Дж. Хил, Р. Гордон и Э. Голдман опубликовали статьи, в которых обосновывалась основная идея ТС о том, что для понимания ментальных состояний других нам не нужны теоретические знания (неявная народная психология), мы можем просто использовать свое собственное сознание для симуляции или моделирования другого сознания. Эти работы дали толчок для развития альтернативной программы, к которой присоединились многие исследователи. Немного о понятии «симуляция». В своей статье Дж. Хил использовала понятие «репликация», Р. Гордон назвал процесс ментализации «симуляцией», и это понятие закрепилось как основное. Э. Голдман в своей книге [Goldman, 2006, p. 35–36] отмечает, что у этого слова есть разные смыслы, один из которых связан с компьютерной симуляцией, например ураганов или экономики. Но компьютер, как имитирующая система, работает по иным принципам, чем ураган, подчиняющийся законам аэродинамики. При ментальной симуляции важно сходство симулирующей системы и объекта. Поэтому Э. Голдман считает, что и понятие репликации тут вполне применимо. Также важно, что глагол *simulate* происходит от латинского *simulare* – «имитировать», «притворяться». В русском языке слово «симуляция» нагружено негативным смыслом как имитация с целью обмана, но в ТС это понятие используется нейтрально. В качестве исторических истоков теории симуляции ее сторонники обычно указывают на понятие «сочувствие» (*sympathy*) Д. Юма и А. Смита, на концепцию «вчувствования» (*Einfühlung*) Т. Липпса и последующие теории эмпатии.

Наиболее разработанной версией ТС является концепция Э. Голдмана, которую он развивал и трансформировал более двух десятилетий. Она представлена в его труде «Симулирующие сознания» и объемном сборнике статей «Совместные предприятия: майндринг, зеркализация и воплощенное познание» [Goldman, 2013]. Стоит отметить, что в этих работах осуществлен впечатляющий анализ и учет очень большого массива эмпирических материалов, полученных когнитивной психологией и нейронаукой. Это его принципиальная установка, отраженная в названии последней книги. «Было бы в интеллектуальном отношении безответственно, – отмечает он, – игнорировать огромные массивы данных и теорий, созданных наукой» [Ibid., p. 3]. Но и философы могут внести теоретический вклад в совместное дело, предлагая ту или иную теоретическую интерпретацию как лучшее объяснение таких данных.

Важным шагом в понимании Э. Голдманом симуляции стала его встреча на одной из конференций с В. Галлезе, одним из ученых, открывшим зеркальные нейроны. Голдман не знал об этом открытии,

а Галлезе не ориентировался в теориях ментализации. В результате совместных обсуждений они пришли к идее, что механизм зеркальных нейронов обеспечивает дорефлективный, субличностный базисный уровень симуляции, позволяющий распознавать эмоции и простые мотивы действий [Gallese, Goldman, 1998]. В своей основной книге Голдман выделил низкоуровневую (low-level mindreading) и высокоуровневую (high-level mindreading) ментализацию. Первая основана на зеркальных нейронных процессах, вторая позволяет симулировать сложные ментальные состояния, включающие пропозициональные установки, и ее работа может в некоторой степени осознаваться. Симуляцию высокого уровня, по Э. Голдману, обеспечивают механизмы визуализации и воображения.

Проблемой для сторонников теории симуляции является то, что в их теориях ментализация начинается с симуляции, но чтобы симулировать, нужно уже иметь некоторые знания о ментальных состояниях, хотя бы о их типах. Поэтому Э. Голдман отказался от первоначальной чистой версии ТС и принял гибридную концепцию, в которой на «входе» симуляция опосредована неявной теоретической схемой. Разработка гибридных теорий в целом характерна для работ по социальному пониманию в последние десятилетия, поскольку признается, что понимание другого сознания – многоаспектный феномен, который невозможно объяснить в рамках одной теоретической перспективы. Начало этому положила гибридная версия С. Стича и Ш. Николса [Nichols, Stich, 2003], которые назвали свой подход интегрированным, или эклектичным. В нем они объединили отдельные элементы ТТ (как теории «ребенка-ученого», так и модулярной теории) и ТС, добавив и собственные оригинальные идеи. Наряду с тенденцией гибридизации в начале нынешнего века возникла новая волна теорий социального понимания, представители которой подвергли критике рассмотренные основные теории.

Интерактивный поворот

Большинство теоретиков считают, что в основе социального понимания лежит способность понимать ментальные состояния других людей. Но в последние годы этот стандартный взгляд подвергся радикальной критике со стороны философов, работающих в рамках феноменологической традиции, а также продвигающих идеи воплощенного или расширенного сознания. Начало этому направлению положил американский философ Ш. Галлахер [Gallagher, 2001], который назвал свою концепцию «теорией интеракции» и «воплощенной феноменологией». Затем важные работы написали Д. Хутто, Д. Захави, М. Рэтклифф и др. При некоторых различиях, они сходятся

в том, что в повседневных социальных взаимодействиях люди редко прибегают к ментализации и полагаются на другие социальные когнитивные способности, описываемые обычно как прямое социальное восприятие и воплощенное практическое «знание-как», лежащее в основе реальных социальных взаимодействий. Согласно Ш. Галлахеру, обычно мы понимаем друг друга без ментализации, используя «воплощенные практики – практики, которые являются эмоциональными, сенсорно-моторными, перцептивными и неконцептуальными» [Gallagher, 2001, p. 83].

Другой важной претензией как к ТТ, так и к ТС у интеракционистов является то, что эти теории для социального понимания принимают нереалистичную модель индивида, наблюдающего в позиции «от третьего лица» поведение другого индивида. Но это превращает социальный мир в картину, в которой понимание индивидом других людей становится, как выразился Д. Хутто, по сути «зрительским спортом» [Hutto, 2008, p. 12]. В реальной жизни мы не наблюдаем и не предсказываем мысли и намерения друг друга, мы взаимодействуем друг с другом лицом к лицу. Такую позицию в этом направлении называют активной, заинтересованной перспективой «от второго лица». «Наблюдательная установка» предопределяла и эмпирические исследования в этой области. Социальное понимание изучалось в основном в экспериментах, где испытуемые были лишены социального взаимодействия и жизненного ситуационного контекста. В них дети и взрослые обычно наблюдали то или иное поведение и были вынуждены прибегать к ментализации, потому что более естественные и воплощенные способы социального понимания были исключены условиями эксперимента.

Эта критика выглядит интересной и убедительной, но каковы позитивные предложения интеракционистов? Какие социальные когниции работают без ментализации? Эти когнитивные способности обычно описываются как «первичная интерсубъективность» и «вторичная интерсубъективность». Первая наиболее интересна, поскольку, по мнению интеракционистов, ее механизмы более базисны, чем способности понимать убеждения и желания других людей. Аргументом в пользу того, что симуляция или теоретизирование являются вторичными для социального взаимодействия, служит то, что маленькие дети, не способные еще понимать ложные убеждения, чутко воспринимают эмоции во взаимодействиях с родителями и другими людьми. Это подвело интеракционистов к отказу от основной предпосылки ТТ и ТС о ненаблюдаемости ментальных состояний – о том, что восприниматься может только телесное поведение, а понимание ментальных состояний требует дополнительных теоретических выводов или психологических симуляций. В противовес этому Ш. Галлахер выдвинул концепцию «прямого социального восприятия», которую обосновывал в целом цикле статей [см.: Gallagher, 2015].

Сходные взгляды на социальное восприятие есть и у Д. Захави и М. Рэтклиффа. Согласно этой концепции, мы можем прямо воспринимать такие ментальные состояния, как эмоции и намерения.

Историческую поддержку этому Ш. Галлахер и его коллеги находят в работах феноменологов М. Шелера, М. Мерло-Понти, а также в некоторых идеях позднего Л. Витгенштейна. Стоит заметить, что и русский философ Н.О. Лосский был сторонником прямого восприятия ментальных состояний. Свою статью он назвал «Восприятие чужой душевной жизни» [Лосский, 1914] и доказывал, что мы прямо, «в подлиннике», воспринимаем эти состояния. Об этом свидетельствует и наш язык: мы не говорим «я вижу признаки гнева у Ивана», но говорим «Иван сердится», подобно тому как мы говорим «вода кипит» или «яблоко красное». И в современной психологии зрительного восприятия есть исследования, которые показывают, что человек видит поведение других людей непосредственно осмысленным их эмоциями и намерениями. Но если это так, то возникает логический круг. Как можно использовать наблюдаемое поведение другого, чтобы вывести из него ментальные состояния другого, если это поведение воспринимается как уже нагруженное этими состояниями. В принципе, основные теории ментализации требуют неинтерпретирующих, «сырых» наблюдений за поведением другого. Но такие наблюдения трудноосуществимы, если только человек не является специалистом по биомеханике или физиологии движений. Ш. Галлахер считает, что таких сырых восприятий в социальном понимании нет. Он использует термин «умное (smart) восприятие», в котором перцепции уже наполнены смыслом. Для подкрепления своих взглядов Ш. Галлахер ссылается на теорию прямого восприятия Дж. Гибсона, теорию восприятия А. Ное и ряд других концепций. Но пока идея прямого социального восприятия является предметом дискуссий и не получила заметного признания.

Еще одной интересной концепцией, относящейся к первичной интерсубъективности и подчеркивающей роль взаимодействия, является модель «нейронной герменевтики», предложенная британскими нейрочеными К. Фритом и Т. Вентцером. Они разработали эту модель в контексте неопределенности, связанной с межсубъектным общением лицом к лицу. Даже в этой ситуации вроде бы нет доступа к чужому сознанию, но людям удается понимать друг друга. Дело в том, что в социальной среде «процесс идет в обоих направлениях: пока я пытаюсь понять вас, вы пытаетесь понять меня» [Frith, Wentzer, 2013, p. 658]. Эта ситуация, по мнению ученых, сходна с идеями герменевтики Ф. Шлеермахера о конгениальности и герменевтическом круге, с той разницей, что речь идет о нейронных механизмах. Если в теории симуляции роль этих механизмов рассматривается в наблюдательной перспективе, то с учетом интерсубъективного взаимодействия картина получается иной. Работа зеркальных нейронов

позволяет нам на субличностном уровне имитировать друг друга и решить проблему разнообразия – понимания людей, существенно отличных от нас. Имитация на нейронном уровне создает «выравнивание», «синхронизацию». Так, в активном общении мы невольно имитируем жесты, выражения лица, эмоции, интонации и даже словарный запас другого. Даже если мы заметно отличаемся друг от друга, такая синхронизация «делает нас более похожими на человека, с которым мы взаимодействуем, и, таким образом, делает моторную и ментальную симуляцию более эффективной» [Frith, Wentzer, 2013, p. 659].

Интеракционистский поворот, несмотря на радикальную риторику его представителей, пока не привел к существенному переформатированию исследований социального понимания. Их тезис о том, что ментализация не играет в последнем важной роли, вызывает вопрос, почему эволюция снабдила нас этой способностью. Тот факт, что основные теории ментализации объясняют ситуации, в которых люди в первую очередь наблюдают за другими, а не взаимодействуют с ними, не является причиной для отказа от этих теорий. И в реальной жизни люди нередко наблюдают за другими людьми, делают это они и смотря телевизор. Опора на феноменологию не выглядит очень надежной, поскольку это философское направление переживает нелучшие времена. Вероятнее всего, интеракционистам придется умерить свой радикализм и включиться в упомянутый выше процесс гибридизации с критикуемыми ими основными теориями социального понимания.

Итоги

Проблема другого сознания является традиционной для эпистемологии, но долгое время попытки ее решения предпринимались в рамках теоретической, «кабинетной» философии. Ситуация изменилась в конце прошлого века, когда она попала в поле исследований когнитивных наук, прежде всего когнитивной психологии и нейронауки. В результате этого сформировалось новое междисциплинарное направление – «social cognition», в котором философы стали тесно взаимодействовать с представителями когнитивных наук. Большинство философов и ученых, работающих в этом совместном предприятии, согласны с тем, что ключевую роль в социальном понимании играет способность человека понимать, объяснять и предсказывать действия других людей через приписывание им ментальных состояний как причин таких действий. Это ставило проблему другого сознания в центр исследований. В результате в короткое время появился целый спектр теорий другого сознания, которые можно рассматривать в контексте основных конкурирующих исследовательских программ

социального понимания. Несмотря на быстро растущий массив эмпирических данных, поставляемых когнитивными науками, эти программы пока удерживают свои позиции в этой конкуренции. Также характерна разработка гибридных теорий социального понимания, поскольку признается, что это многоаспектный феномен, который невозможно объяснить в рамках одной теоретической перспективы. Как социальные по своей природе существа, люди развили немало путей к пониманию друг друга.

Список литературы

Иванов, 2013 – *Иванов Д.В.* Природа феноменального сознания. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 240 с.

Лосский, 1914 – *Лосский Н.О.* Восприятие чужой душевной жизни // Логос. 1914. Т. 1. Вып. 2. С. 189–200.

Нагуманова, 2011 – *Нагуманова С.Ф.* Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии. Казань: Казанский ун-т, 2011. 221 с.

Риццолатти, Синигалья, 2012 – *Риццолатти Дж., Синигалья К.* Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. М.: Языки славянских культур, 2012. 208 с.

Сергиенко, 2006 – *Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Ин-т психологии РАН, 2006. 464 с.

Филатов, 2017 – *Филатов В.П.* Аргумент по аналогии в понимании «другого сознания»: к истории проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 4 (10). Ч. 2. С. 181–190.

Шюц, 2004 – *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОСС-ПЭН, 2004. 1056 с.

References

Baron-Cohen, S. *Mindblindness: An Essay on Autism and Theory of Mind*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995, 168 pp.

Baron-Cohen, S., Tager-Flusberg H. and Lombardo, M. (eds.) *Understanding Other Minds. Perspectives from Developmental Social Neuroscience*. Oxford: Oxford University Press, 2013, 498 pp.

Filatov, V.P. “Argument po analogii v ponimanii ‘drugogo soznaniya’: k istorii problemy” [Argument from Analogy in the Understanding of “Other Mind”: To the History of the Problem], *Bulletin of Russian State University for the Humanities*, 2017, no. 4 (10), pp. 181–190. (In Russian)

Fodor, J. *The Modularity of Mind*. Cambridge, MA: MIT Press, 1983, 158 pp.

Frith C., Wentzer T. “Neural Hermeneutics”, in: *Encyclopedia of Philosophy and the Social Sciences*. London: SAGE, 2013, pp. 657–659.

Gallagher, S. "The New Hybrids: Continuing Debates on Social Perception", *Consciousness and Cognition*, 2015, vol. 36, pp. 452–465.

Gallagher, S. "The Practice of Mind: Theory, Simulation, or Primary Interaction", *Journal of Consciousness Studies*, 2001, vol. 8 (5–7), pp. 83–101.

Gallese, V., Goldman, A. "Mirror Neurons and the Simulation Theory of Mind-Reading", *Trends in Cognitive Sciences*, 1998, vol. 2 (12), pp. 493–501.

Goldman, A. *Simulating Minds. The Philosophy, Psychology, and Neuroscience of Mindreading*. Oxford: Oxford University Press, 2006, 384 pp.

Gopnik, A., Meltzoff, A. *Words, Thoughts and Theories*. Cambridge, MA: MIT Press, 1997, 255 pp.

Hutto, D. *Folk Psychological Narratives: The Sociocultural Basis of Understanding Reasons*. Cambridge, MA: MIT Press, 2008, 343 pp.

Ivanov, D.V. *Priroda fenomenal'nogo soznaniya*. [The Nature of Phenomenal Consciousness]. Moscow: LIBROKOM, 2013, 240 pp. (In Russian)

Lewis, D. "Psychophysical and Theoretical Identifications", *Australasian Journal of Philosophy*, 1972, vol. 50 (3), pp. 249–258.

Losskii, N.O. "Vospriyatie chuzhoi dushevnoy zhizni" [The Perception of Another Mental Life], *Logos*, 1914, vol. 1, no. 2. pp. 189–200. (In Russian)

Nagumanova, S.F. *Materializm i soznanie: analiz diskussii o prirode soznaniya v sovremennoy analiticheskoy filosofii*. [Materialism and Consciousness: An Analysis of the Discussion on the Nature of Consciousness in Contemporary Analytical Philosophy]. Kazan: Kazan University, 2011, 221 pp. (In Russian)

Nichols, S., Stich, S. *Mindreading: An Integrated Account of Presence, Self-Awareness, and Understanding Other Minds*. Oxford: Oxford University Press, 2003, 237 pp.

Premack, D., Woodruff, G. "Does the Chimpanzee Have a Theory of Mind?", *Behavioral and Brain Sciences*, 1978, vol. 1 (4), pp. 515–526.

Rizzolatti, G., Sinigaglia, C. *Zerkala v mozge: O mekhanizmaxh sovmestnogo dejstviya i soperezshivaniya*. [Mirrors in the Brain: On Mechanisms of Joint Action and Empathy]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012, 208 pp. (In Russian)

Schütz, A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchijsya smyslom*. [Selected Works: A World Glowing with Meaning]. Moscow: ROSSPEN, 2004, 1056 pp. (In Russian)

Sergienko, E.A. *Rannee kognitivnoe razvitie: novyj vzglyad*. [Early Cognitive Development: A New Perspective]. Moscow: Institut psihologii RAN, 2006, 464 pp. (In Russian)